

Дмитриев А. В.

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ МИГРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Дмитриев Анатолий Васильевич – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН. Россия, Москва, 119991, ул. Волхонка, 14, стр. 5. Руководитель группы конфликтности миграции Института социологии РАН. Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

E-mail: mig@isras.ru

Тел.: +7 (499) 125 80 90

Аннотация. Миграция приобрела глобальный характер. Мигранты имеют различные ценности, веру, нормы поведения, стили общения. Без периода адаптации к новым условиям они испытывают известные трудности, усугублённые местным населением и властями. «Миграционная напряжённость» характерна для многих стран, в том числе и для России. В статье рассматриваются проблемы миграции с позиций социологии и конфликтологии. Автор считает, что конфликтность взаимодействия иммигрантов с принимающим обществом предопределена неразрывной связью с новой социальной структурой российского общества, сложившейся за последние десятилетия. Конкуренция между социальными группами сопровождается напряжённостью, всплеском мигрантофобии и этнофобии. В новых условиях, по мнению автора, довольно противоречивая регулирующая роль государства нуждается в помощи институтов гражданского общества со свойственными ему толерантными многосторонними связями. В статье на основе наблюдения автора и опроса экспертов анализируются и сложившиеся стереотипы в отношении мигрантов. Делается вывод о том, что негативная стереотипизация коррелирует с проявлением конфликтов, причём этнические характеристики по сравнению с другими преобладают.

Ключевые слова: миграция, конфликт, конфликтность, стереотипы, адаптация, интеграция, согласие, политика.

Общие положения

Массовая миграция, приобретая глобальный характер, является носителем невиданного до сих пор противоречия между переселенцами и постоянными жителями принимающих стран. Давно подмечено: мигранты имеют отличные от местного населения ценности, веру, нормы поведения, стили общения. У них и особая семейная структура. Прибыв в ту или иную вожделенную страну, они по-разному себя ведут дома, на улице и, естественно, на работе. Без известного периода адаптации к новым условиям они испытывают серьёзные трудности, усугублённые извне – со стороны властей и местного населения.

Не менее конфликтногенна и внутренняя миграция, она всегда чревата кризисами, даже в тех случаях, когда частично регулируется. Любое массовое перемещение нарушает образ жизни и социальную преемственность, разрывает существующую систему связей. В последнее время властям не всегда удаётся противостоять неблагоприятным тенденциям.

Некоторые социологи, к числу которых относит себя и автор статьи, произведя оценки социального воздействия миграции, бесспорно, способствовали выявлению её негативного влияния на настроения тех или иных групп населения. Обычным средством здесь служит изучение конкретных региональных случаев. Однако основная форма такого вклада, основанная на типовых газетных либо телевизионных сообщениях об обнаруженных случаях, имеет внутренне присущие ей недостатки.

Дело в том, что, привязанные к определённому месту, исследования, затрагивающие только отдельные факты, едва ли могут послужить импульсами для исследования более широких зависимостей. Нынешнее российское научное сообщество нуждается в том, чтобы хоть как-то соединить воедино все случаи приведённых исследований с целью извлечь главные уроки из имеющихся конфликтов и ввести их в нормативные рамки институтов развития [Дмитриев, 2007: 371–376].

Представляемая читателю работа преследует цель проанализировать некоторые общие факторы миграции, которые оказывают неблагоприятное воздействие на социальное согласие, а также изучить, каким образом подобное негативное воздействие можно нейтрализовать с помощью проведения политики, направленной на реинтеграцию и адаптацию переселяющихся людей.

Противоречия как источник напряжённости

Считаю, что в целом проблему миграции желательно в перспективе рассматривать в аспекте единства и расхождения, т. е. в возможных будущих миграционных конфликтах. Будем исходить из давно всем известных тенденций народонаселения в мире: высокая рождаемость в одних странах, низкая – в других. К тому же продолжается тенденция к концентрации экономической мощи и богатства в одних странах (США, Европа, Япония, Сингапур и др.) и уменьшения такой мощи в отсталых регионах. Всё это сопровождается заметными миграционными потоками с Юга на Север, из Восточной Европы в Западную. Связь миграционных движений с глобализацией очевидна и, по-видимому, существует необходимость рассматривать лишь с учетом её противоречий.

Существенное влияние на решение людей мигрировать имеет фиксируемое *противоречие между обогащением и обнищанием населения* почти во всех странах мира, включая Россию. По некоторым данным, различия в доходах разных слоёв населения особенно увеличились в 1990-е гг.: богатые стали намного богаче, число бедных заметно увеличилось. Такая ситуация характерна для многих «старых» высокоразвитых стран мира, т. е. имеются все основания полагать, что в современном обществе неизменно присутствует социальная поляризация.

Наиболее заметны различия и между высокоразвитыми странами (старыми и новыми) и развивающимися, что решительным образом сказывается на решении людей искать работу и убежище именно в первой группе государств.

Растущая разница в доходах населения, характерная практически для всех регионов планеты, особенно заметна в Российской Федерации. Развитие национального хозяйства в условиях кризиса, как замечено, неизбежно приводит к ещё большему неравенству. Высокие жизненные стандарты небольшой группы не «просачиваются», к сожалению, в менее обеспеченные слои населения.

Заметно и противоречие между принципами «рациональной» культуры (чаще всего понимаемой как европейская и североамериканская) и культурой отдельных групп населения. «Рациональная», несмотря на её экономическую эффективность, зачастую не способна наполнить жизнь человека духовным смыслом. Вследствие этого люди всё чаще стараются подчеркнуть свои этнические, религиозные и национальные особенности. Особенно это заметно в деятельности этнических диаспор.

Это отчасти объясняет, почему многие внутренние современные социальные конфликты непосредственно не связаны с глобальными столкновениями. К тому же старая тенденция к защите местных и групповых материальных интересов, культурных и иных ценностей от глобальных заметна во всех странах мира.

По-прежнему налицо *противоречие между правовым выражением этнического разнообразия и постоянно меняющимися под воздействием миграции поселенческими структурами.* В таких странах как Индия, Канада и РФ большие этносы имеют фиксированную конституцией территорию (автономии). Массовая же миграция по определению имеет тенденцию к разрушению этой модели. Отчасти этот риск осознаётся руководителями некоторых российских республик, что подтверждается их отказами от участия в программе переселения соотечественников, под которыми чаще всего подразумеваются русские либо русскоговорящие. Переселенцы подвижны, к тому же, как и большинство иммигрантов, не имеют каких-либо территориальных претензий.

Противоречие между глобальным и местным. Часто то, что является разумным и объяснимым на глобальном уровне, имеет разрушительные последствия для местных сообществ. Если основной целью интеграции и экономического роста является повышение благосостояния людей, было бы логично предоставить местным властям (муниципалитетам в Москве, например) возможности, способные влиять на решения, непосредственно затрагивающие их интересы. Рыночные механизмы не способны это сделать по определению, а вышестоящие государственные органы чаще всего преследуют региональные либо общенациональные цели явно в ущерб местным.

Что касается транснациональных компаний, то здесь положение ещё более драматично — и государственные, и региональные, и местные цели вообще не принимаются во внимание.

Групповой характер конфликта

Как было ранее замечено, влияние миграции далеко не однозначно и для участников самих миграционных процессов здесь замечено множество противоречий. Явно, например, выделяется наиболее типичное противоречие этих процессов, а именно – **противоречие социальной дифференциации**. Во всём мире чётко прослеживается тенденция к объединению не только географических территорий, но и групп людей; и в то же время растёт дифференциация и внутри этих объединений. Это связано в первую очередь с тем, что некоторые, адаптировавшись, становятся полноправными членами нового общества, в то время как другие становятся маргиналами и «лузерами». Иными словами, существующая проблема включения одних и исключения других становится по сути дела центральным пунктом всех социальных противоречий, связанных с миграцией.

Группы или отдельные личности, которые обладают необходимыми характеристиками, удовлетворяющими условиям «нового» рынка, обычно легко включаются в глобальную систему в качестве граждан, обладающих всеми политическими и социальными правами. В то время как группы и отдельные личности, которые не отвечают необходимым требованиям, «исключаются» и иногда лишаются некоторых основных гражданских прав, например, права на труд. Особенно это заметно на внешних мигрантах.

Всё это происходит на фоне того, что в начале XXI века в мире значительно увеличился объём международных миграций, охвативший все географические регионы. Люди переезжают как в соседние страны, так и на другие континенты. Они могут быть как рабочими и специалистами, так и беженцами из неблагоприятных регионов мира. Любопытной тенденцией развития обоих видов миграции является заметное увеличение числа детей и женщин. Хотя в действительности очень сложно искусственно разделить миграцию на отдельные виды ввиду того, что мотивации людей никогда не бывают однозначными, а состоят из множества различных причин. Но главная из них – всё же поиск лучших условий для проживания.

Таким образом, на сегодняшний день свыше 200 миллионов человек живут вне тех стран, где они родились (20 миллионов из этого числа составляют беженцы). Такая ситуация заставляет правительства многих развитых стран принимать меры для ограничения миграции. В то же время правительства развивающихся стран часто выступают против эмиграции высококвалифицированных специалистов, так называемая «утечка своих умов», и вызванным этим сокращением инвестиций в науку и образование.

Но если правительства пытаются остановить внешнюю миграцию, то в этот процесс вмешивается теневой рыночный механизм, организованный агентствами по трудоустройству, получающими заметную прибыль как от легальной, так и от нелегальной миграции. Этот рынок связан с неформальными социальными структурами, сформировавшимися внутри миграционного процесса. Именно поэтому вся сеть миграционных учреждений оказывается куда более мощной

силой в определении форм и размеров миграционного движения, чем политика того или иного правительства. Российское правительство, призванное контролировать подобного рода передвижения, оказывается пока не в состоянии это сделать.

А ргорос... С 1 января 2015 года вступили в силу российские законы, усложняющие и удорожающие легализацию гастарбайтеров из стран СНГ, имеющих возможность безвизового въезда в Россию. Отныне граждане Узбекистана и Таджикистана, как и граждане других стран СНГ, смогут въезжать в Россию только по заграничным паспортам, а не по паспортам внутренним или заменяющим их документам [Изменения..., 2014]. На граждан Киргизии и Украины это требование пока не распространяется.

Ещё большее развитие получит и система многолетних запретов на въезд в Россию для нарушителей миграционного законодательства. Отменяется система квотирования как способ регулирования трудовой миграции — все безвизовые гастарбайтеры переводятся на патентную систему. Региональные власти отныне вправе вводить повышающие или понижающие коэффициенты — в зависимости от того, хотят они стимулировать приток мигрантов на свою территорию или сократить его.

Одновременно делается и робкая попытка стимулировать внутреннюю трудовую миграцию — переезд россиян из регионов с избыточной рабочей силой в регионы с недостатком оной. С этой целью вступил в силу закон, который позволяет рассчитывать на финансовую помощь государства тем работодателям, кто привлекает мигранта-россиянина и оказывает ему материальную и организационную поддержку для обустройства на новом месте.

В то же время наблюдается и явное бездействие властей на различных уровнях, что приводит к напряжённости среди резидентов стран-реципиентов и к росту националистических настроений. Особенно это заметно в крупных центральных, северо-западных и приволжских городах РФ.

Безусловно, приведён далеко не полный список противоречий, свойственных таким масштабным явлениям, как глобализация и миграция, и, скорее всего, в ближайшем будущем их количество ещё более возрастёт. Однако кратко рассмотренные здесь проблемы на данном этапе можно назвать ключевыми, так как остальные являются своего рода их производными.

Итак, миграция представляет собой многоплановое явление, чьё влияние в мире в связи с расширением интеграционных процессов постоянно увеличивается. Миграция тем или иным способом неизбежно сказывается на состоянии народного хозяйства, социальных

отношениях, культуре, национальной политике и международных отношениях. И именно поэтому рассматриваемая проблема «включения» и «исключения» групп иммигрантов из социальных и экономических процессов в обществе требуют скорейшего воздействия со стороны не только административных органов, но и институтов гражданского общества [Авксентьев и др., 2007: 98].

Что же касается непосредственного воздействия миграции на социальные отношения в РФ, то возможные конфликты можно условно подразделить на два уровня. Во-первых, в некоторых регионах (Москва, Санкт-Петербург и др.) наблюдается рост анти-иммиграционных движений, которые иногда носят расистскую или националистическую окраску. Основной причиной подобной ситуации может быть боязнь того, что неконтролируемый въезд «чужих» вызовет реструктуризацию экономических и социальных отношений в обществе. В таком случае иммигранты становятся мишенью для нападок как очевидное следствие ухудшающегося положения, в то время как истинные причины недовольства резидентов не лежат, разумеется, на поверхности, они многолики и зачастую трудно поддаются определению [Дмитриев и др., 2014: 55–58].

С другой стороны, проблема кроется и в самих этнических мигрантских меньшинствах. Их маргинальное положение зачастую способствует ещё большей собственной сплочённости, которая может принять две абсолютно разные формы: одна – это фундаментализм, сопровождающийся отчуждением, другая, более цивилизованная, – это мобилизация «внутри» во имя достижения равноправия и признания самобытности культуры группы. Здесь ситуация выглядит неоднозначно. Так, вряд ли целесообразно введение, например, в вузах и школах этнических квот или других ограничений в целях устранения диспропорции между местными и приезжими учащимися.

Культурный аспект

Социологический анализ миграции, как выясняется, явно недостаточен. Но и в спорах экономистов и демографов по поводу позитивных и конфликтогенных последствий миграции, по-видимому, также рано ставить точку. Многие из них признают, что каждое общество, в которое направляется значительный поток мигрантов, неизбежно испытывает определённое напряжение. И все специалисты-обществоведы считают, что особенную остроту приобретает проблема сохранения культурных особенностей как мигрантов, так и резидентов. Эту проблему мы упоминали в начале статьи: она приобрела особое значение не только потому, что современные средства коммуникации сделали её более доступной, но и потому, что глобализация, формирующая единое экономическое и политическое пространство, положила начало другому процессу – процессу нивелирования культуры. Но среди мигрантских сообществ крепнет стремление не только выжить в новых условиях, но и сохранить собственные духовные традиции. И не столь важно,

возникают ли конфликты современного общества в результате «столкновения цивилизаций» или их порождают иные причины, важно, что опасность для национальных культур становится всё более очевидной.

Задача достижения культурной однородности той или иной нации всегда была достаточно проблематичной, поскольку стойкость и жизнеспособность этнических меньшинств часто недооценивалась. К тому же «прозрачность» государственных границ и рост культурно-этнической диверсификации внутри самих государств в принципе делают невозможной культурную однородность населения. В настоящее время нередко встречается такая ситуация: человек, постоянно проживая в одной стране, имея там семью и определённый социальный статус, имеет работу и в другой стране. А такие люди уже не могут быть идентифицированы как граждане какого-то конкретного государства, так как они уже обладают множеством характеристик, не укладывающихся в рамки какого-то одного гражданства. Замечу в этой связи, что с 1 января 2015 года вступил в силу закон, уточняющий правила уведомления о наличии у россиян гражданства иностранного государства или вида на жительство в иностранном государстве. Право подавать документы через уполномоченного представителя, оформив на него доверенность, распространено теперь на все категории лиц, обязанных «сдаваться» (первоначально даже больные и инвалиды должны были являться в ФМС или на почту лично). Уточнён срок, в течение которого находящийся временно за рубежом россиянин обязан сдать документы о наличии у него второго гражданства или вида на жительство иностранного государства по возвращении на родину: «в течение (не позднее) 30 дней». При этом «постоянно проживающие за рубежом» россияне от обременительной обязанности освобождены по-прежнему [Порядок подачи..., 2014]. Разумеется, новый закон навряд ли снимет существующую в РФ проблему.

Этнический и конфессиональные аспекты

И, наконец, этнический и конфессиональные аспекты. Внешняя миграция, как правило, порождает некоторые негативные тенденции в развитии межнациональных и межрегиональных отношений, связанных с тем, что этнические общности неизбежно начинают конкурировать между собой в областях занятости, проживания и общения. Есть и часто внешне скрываемая конкуренция между руководством основных российских конфессий. Дело в том, что на фоне неблагоприятных экономических условий, сокращения возможностей в удовлетворении элементарных потребностей мигранты одновременно

сталкиваются с риском потерь своих прошлых статусных характеристик. В любом случае у большинства приехавших на новое место формируется по отношению к новой среде негативное, а иногда и враждебное отношение.

В оценке тех или иных последствий миграции среди исследователей существуют определённые разногласия. Одни считают, что любое расширение межнационального общения может рассматриваться как положительное явление, способствующее возникновению культур и утверждению интернационализированных образцов поведения. Другие исходят из того, что расширение межнациональных контактов лишь тогда ведёт к оптимальному развитию межнациональных отношений, когда основывается на добровольности и не сопровождается возникновением неконтролируемых ситуаций.

Первая точка зрения опирается на представление об этносе как довольно статичной совокупности несвязанных или слабо связанных друг с другом семей или индивидов. Действительно, при таком подходе оказывается, что чем шире контакты с представителями других народов, тем легче люди к ним привыкают, усваивают язык другого этноса и (или) язык межнационального общения, тем легче расстаются с элементами собственной культуры. С этой точки зрения расширение межнациональных контактов если и может иметь какие-то негативные последствия, то лишь применительно к отдельным индивидам и никак не распространяется на весь этнос или его основные слои. В противоположной же концепции этнос рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, для которой потребность в самосохранении есть неотъемлемое свойство: устойчивость этноса обуславливается совокупностью тесных межличностных связей. Пока система сохраняет внутреннюю целостность, любое воздействие на неё, преднамеренное или непреднамеренное, могущее нарушить эту целостность, неизбежно ведёт к противодействию. Последнее усиливается, когда представители контактирующих национальных групп оказываются в конкурентных отношениях по поводу каких-то жизненно важных ценностей. Причём в деятельность системы обычно вовлекаются люди, которые сами по себе в конкурентные отношения непосредственно не включены и вообще не испытывают особых неудобств от внешних воздействий на «свой» этнос.

Итак, основные подходы к пониманию и объяснению конфликта в основном складываются в рамках рассмотрения особенностей взаимодействия крупных социальных общностей. Личностный же анализ в социологии конфликта занимает, пожалуй, второстепенное положение. В то же время он, безусловно, важен, но при изучении, к примеру, поведения единичного, индивидуального, обнаруживается тенденция к превращению его в общее, групповое.

Негативная стереотипизация

Для автора статьи стереотипизация означает восприятие, классификацию и оценку социальных объектов (в данном случае мигрантов) путём распространения на них характеристик на основе определённых представлений.

Стереотипизация мигрантов представляется одной из важнейших характеристик восприятия межгруппового и межличностного; отражает схематизированность и аффективную окрашенность, свойственную этой форме восприятия. Именно поэтому стереотипизация представляется как процесс приписывания сходных характеристик абсолютно всем членам какой-либо социальной группы, в данном случае мигрантов, без достаточного осознания возможных различий между ними.

Стереотип носит социальный характер как относительно устойчивый и упрощённый образ объекта социального — группы мигрантов, складывающийся чаще всего в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта и представлений, принятых в обществе (нередко предвзятых).

Наличие этого стереотипа, хотя он и не всегда отвечает требованию субъекта к точности, всё же играет существенную роль в оценке группы, ибо позволяет резко сократить время оценки.

Определение истинности или ложности стереотипа в отношении мигрантов может строиться на анализе конкретной ситуации. Любой стереотип, будучи истинным в одном случае, в другом может оказаться совершенно ложным или меньше отвечающим действительности и, следовательно, неэффективным для решения задач ориентации в окружающем мире.

Сам стереотип в рамках представленного материала обычно рассматривается как устойчивый и достаточно упрощённый образ социального объекта, т. е. группы. В данном случае рассматривается как местное население (резиденты), так и трудовые мигранты. Обычно этот образ складывается не только в условиях недостатка информации и приобретения личного опыта, но и обобщения представлений, принятых в окружающей человека группе.

По отношению к иммигрантам, по наблюдению автора настоящей статьи, особенно заметен стереотип «отношения к переменам». Этот стереотип сложен, инерционен, длителен и поэтому будет, возможно, существовать вплоть до возможного прекращения миграционных потоков в РФ, т. е. до обозримого будущего. Как следствие — отсутствие сколь-либо эффективных адаптационных программ не только в госвузах, но и коммерческих, где наплыв мигрантов, внутренних и внешних особенно велик.

Особо важно ещё раз заметить, что любые стереотипы в первую очередь носят широкий социальный характер, хотя условно их подразделяют на этнические, психологические, динамические и другие. Они также различаются по сложности, валидности и прочим признакам. В данном случае автор находит основную разницу между групповыми автостереотипами и гетеростереотипами. Последние во взаимодействии

мигрантов и постоянного населения проявляются довольно отчётливо, вызывая, ввиду их значимости, не только аналитический, но и экономический и политический интересы, которые представляют собой довольно устойчивые представления о нравственных, умственных и физических качествах, присущих представителям различных иммиграционных общностей. В их содержании обычно зафиксированы оценочные мнения об указанных качествах, но могут содержаться и некие предписания к действию в отношении людей данной национальности.

Среди негативных ныне преобладают *этнические стереотипы*, при которых значительную роль по-прежнему играет этническая дистанция. В нынешнем сознании российских жителей доминирует стереотип «среднеазиата», кавказца, но является несущественным стереотип, к примеру, украинца. Однако и здесь ситуация быстро меняется. За прошедший год к украинцам западных областей «прилип» стереотип «бендеровца». К остальным, т. е. восточным — «ополченец», «беженец». На уровне взаимодействия больших социальных групп эти стереотипы выполняют в основном две функции: конститутивно-интегративную и дезинтегративную. Разумеется, при этом отдельные стереотипы, конечно же, могут быть вспомогательным материалом при реализации таких потребностей социальных групп, как потребность в организации (диаспоры), культурного отличия, суверенности. При этом один и тот же стереотип обычно может выполнять сразу несколько функций. Так, дезинтеграция посредством стереотипа на уровне большой социальной группы может способствовать интеграции с помощью того же стереотипа.

При оценке упомянутых двух функций стереотипов (интеграционного и дезинтеграционного) мы придерживаемся традиционной точки зрения, обращая внимание на преобладание в настоящий момент второй функции. Разумеется, первая (интеграционная) в перспективе кажется более предпочтительной, она, возможно, через определённое и довольно длительное время будет преобладать.

Складывается впечатление, что в большинстве опубликованных работ ныне преобладает описание лишь наиболее интересных и социально важных событий, в основных конфликтных, т. е. изучаются лишь негативные стереотипы. Можно предположить, что в будущем, и, по-видимому, далёком, возможен генезис стереотипов и в более оптимальном варианте.

Пока же резиденты склонны видеть больше различий между «своей» и внешней группой (ин- и аут группы). И к тому же, они склонны считать, что члены «своей» группы разделяют их представления в большей степени, чем это есть на самом деле. Следовательно, стереотипы, хотя иногда и соответствуют реальным характеристикам, всё же явно затрудняют получение адекватной информации.

Наша точка зрения заключается в том, что миграционные стереотипы в принципе не отличаются от обычных сознательно конструируемых моделей, отражающих социальную действительность. Эти стереотипы, таким образом, могут рассматриваться в качестве системы с её негативными и позитивными функциями.

В стереотипе можно выделить не только черты деформации и упрощения, но и некой адекватности, т. е. стереотип не только и не столько извращает социальные отношения, сколько суммирует исторический опыт больших, средних и малых групп и, разумеется, отдельного человека. На личностном уровне податливость на стереотипы в отношениях к мигрантам связана с желанием, зачастую абстрактно, а иногда и бессознательно сохранить своё благополучие и с ориентацией не только на свои цели, но и на соединение со «своей» группой. Здесь обычно одобряется так называемый автостереотип собственной группы [Триандис, 2011: 147].

Кроме того, положительная оценка собственного положения, используемая индивидами в рамках групп резидентов и мигрантов, совершается не прямо, а путём указания на различные недостатки окружающей их общественной среды. Отрицательная оценка собственного положения, связанная с реакцией страха («страх неадекватности»), способствует объяснению собственной «обделённости» при помощи факторов, независимых от индивида, вплоть до иллюзорного толкования личных неудач. Фрустрация неизбежно вызывает агрессию и желание сохранить положение доминирующих.

Рассуждая о стереотипизации, сделаем несколько общих выводов:

1. Объективные характеристики мигрантов и местного населения в своей основе не совпадают с их мнением друг о друге. Те и другие преувеличивают свои различия.

2. Негативная стереотипизация коррелирует с проявлением конфликтов, при этом этнические характеристики преобладают по сравнению с другими.

3. Чем чаще и ближе межкультурные контакты, тем выше схожесть групп (русские – украинцы, русские – белорусы и т. д.) При возрастании конкуренции за рабочие места или воздействии внешних факторов (обострение межгосударственных отношений) это чувство сходства заметно исчезает.

4. Обсуждение миграционных конфликтов на тех или иных уровнях, в том числе и в средствах массовой информации, способно привести не только к положительным, но и к отрицательным результатам. Дело в том, что в ходе взаимодействий обострение отрицательного первоначального мнения в отношении мигрантов практически неизбежно. В определённых условиях это мнение может измениться под нормативным давлением. В данном случае имеются в виду не только юридические нормы, но и нормы морали и нравственности.

В целом, комплекс превосходства, характерный для многих коренных жителей, сопровождается возрастающей неприязнью по отношению к мигрантам, что, естественно, вызывает соответствующую

реакцию последних и, как следствие, создаёт «встречные» образы, характеристики которых почти полностью совпадают в деталях. По сути дела происходит «зеркальное отражение» претензий сторон [Дмитриев, 2007: 150]. Это явление не ново, оно существует во многих странах, в том числе и в России.

* * *

Наш весьма краткий и предварительный обзор исследований в сфере миграционных конфликтов приводит к выводу, что именно изучение напряжённости, столкновений, борьбы между социальными общностями, а мигранты в таком случае становятся всё более заметной стороной, выступает в качестве одного из основных методов выявления предмета конфликтологии в качестве относительно самостоятельной области научных исследований. В любом случае система её основных категорий оказывается тождественной тому аппарату, которым руководствуются теоретики социальной структуры, а это в свою очередь предreshает многие ответы на важные вопросы и о субъектах конфликта, и о направленности их действий.

И всё же, признаемся, конфликтогенность миграции до сих пор не является специальным объектом изучения со стороны серьёзных исследователей. Специальные статьи, заполнившие многочисленные сборники и СМИ, либо негативно оценивают ситуацию, либо, напротив, содержат благостное отношение их авторов к сложным неоднозначным процессам.

Список литературы

Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология. Экспертное мнение. М.: Альфа-М, 2007. — 368 с.

Дмитриев А. В. Миграция: конфликтное измерение. Изд. 2-ое. М.: Альфа-М. 2007. — 432 с.

Дмитриев А. В. Юг России: конфликтологическая экспертиза. М.: Альфа-М, 2010. — 208 с.

Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Нелегальная иммиграция: риски и опасности. М.: 2007. — 88 с.

Дмитриев А. В., Жуков В. И., Пядухов Г. А. Миграция: безопасность, сотрудничество. М.: 2009. — 354 с.

Дмитриев А. В., Кузнецов И. М., Леденева В. Ю., Назарова Е. А. Мигранты в Москве: проблемы адаптации. М.: Альфа-М, 2014. — 144 с.

Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. Россия на путях преодоления кризиса. Аспект-Пресс. М.: 1995. — 317 с.

Изменения в законодательстве. [Электронный ресурс] Федеральная миграционная служба. Официальный сайт ФМС России. URL: http://www.fms.gov.ru/russian_national/izmenzakon/ (дата обращения: 19.02.2015).

Кравченко С. А. Социология. В 2-х тт. Т. 1. Классические теории через призму социологического воображения. М.: Юрайт, 2014. – 584 с.

Кравченко С. А. Социология. В 2-х тт. Т. 2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения. М.: Юрайт, 2014. – 636 с.

Консолидация и модернизация России. М.: Канон, 2014. – 384 с.

Порядок подачи уведомлений о наличии у гражданина Российской Федерации иного гражданства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве [Электронный ресурс] Федеральная миграционная служба. Официальный сайт ФМС России. URL: http://www.fms.gov.ru/russian_national/inoe_grazhdanstvo/ (дата обращения: 19.02.2015).

Современные миграционные процессы. Состояние, проблемы, опыт государственного и общественного регулирования. Ростов-на-Дону: 2008. – 20 с.

Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряжённости. М.: Смысл, 1998. – 389 с.

Триандис Гарри К. Культура и социальное поведение. Форум. М.: 2011. – 384 с.

Conflict Potential of Migration: Theoretical and Practical Problems

Dmitriev Anatoly Vasilievich

Doctor of Philosophical Sciences, corresponding member of Russian Academy of Science, Head of group Conflicts Potential of Migration Research, Centre of Intern-Ethnic Relations Research at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia.

Chief Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences. Volkhonka str., 14, build 5. 119991, Moscow, Russia.

E-mail: mig@isras.ru

Abstract. Migration goes global. Migrants have different values, beliefs, norms of behavior and styles of communication. Without a period of adaptation to new conditions, they experience major difficulties, made worse by local population and government. “Migration tension” is characteristic to many countries, including Russia. This paper looks into the problems of migration from the view of sociology and conflictology. The author believes that conflictogenity of relations between immigrants and the native community is directly related to the new structure of the Russian community that has developed in recent decades. The competition between social groups generates tension

and spikes of migrantophobia and xenophobia. In current conditions, as the author declares, the rather contradictory regulative role of the government requires assistance from community institutions, with their tolerant and multifaceted connections. In the paper, the author uses their own observations and expert surveys to analyze popular stereotypes of migrants as well. The author concludes that negative stereotyping correlates with emerging conflicts, with ethnic characteristics having a larger effect than the others.

Keywords: migration, conflict, conflict potential, stereotypes, adaptation, integration, compliance, policy.

REFERENCES

- Avksent'ev V. A., Gricenko G. D., Dmitriev A. V. Regional'naja konfliktologija. Jekspertnoe mnenie. M.: Al'fa-M, 2007. – 368 s.
- Dmitriev A. V. Migracija: konfliktnoe izmerenie. Izd. 2-oe. M.: Al'fa-M. 2007. – 432 s.
- Dmitriev A. V. Jug Rossii: konfliktologičeskaja jekspertiza. M.: Al'fa-M, 2010. – 208 s.
- Dmitriev A. V., Pjaduhov G. A. Nelegal'naja immigracija: riski i opasnosti. M.: 2007. – 88 s.
- Dmitriev A. V., Zhukov V. I., Pjaduhov G. A. Migracija: bezopasnost', sotrudničestvo. M.: 2009. – 354 c.
- Dmitriev A. V., Kuznecov I. M., Ledeneva V. Ju., Nazarova E. A. Migranty v Moskve: problemy adaptacii. M.: Al'fa-M, 2014. – 144 s.
- Zdravomyslov A. G. Sociologija konflikta. Rossija na putjah preodolenija krizisa. Aspekt-Press. M.: 1995. – 317 s.
- Izmenenija v zakonodatel'stve. [Elektronnyj resurs]. Federal'naja migracionnaja sluzhba. Oficial'nyj sajt FMS Rossii. URL: http://www.fms.gov.ru/russian_national/izmenzakon/ (data obrashhenija: 19.02.2015).
- Kravchenko S. A. Sociologija. V 2-h tt. T. 1. Klassičeskie teorii cherez prizmu sociologičeskogo voobrazhenija. M.: Jurajt, 2014. – 584 s.
- Kravchenko S. A. Sociologija. V 2-h tt. T. 2. Novye i novejšie sociologičeskie teorii cherez prizmu sociologičeskogo voobrazhenija. M.: Jurajt, 2014. – 636 s.
- Konsolidacija i modernizacija Rossii. M.: Kanon, 2014. – 384 s.
- Porjadok podachi uvedomlenij o nalichii u grazhdanina Rossijskoj Federacii inogo grazhdanstva libo vida na zhitel'stvo ili inogo dejstvitel'nogo dokumenta, podtverzhdajushhego pravo na ego postojannoe prozhivanie v inostrannom gosudarstve. [Elektronnyj resurs]. Federal'naja migracionnaja sluzhba. Oficial'nyj sajt FMS Rossii. URL: http://www.fms.gov.ru/russian_national/inoe_grazhdanstvo/ (data obrashhenija: 19.02.2015).
- Sovremennye migracionnye processy. Sostojanie, problemy, opyt gosudarstvennogo i obshhestvennogo regulirovanija. Rostov-na-Donu: 2008. – 20 s.
- Soldatova G. U. Psihologija mezhdnetičeskoj naprjazhjonnosti. M.: Smysl, 1998. – 389 s.
- Triandis Garri K. Kul'tura i social'noe povedenie. Forum. M.: 2011. – 384 s.